ЧЕРНОБЫЛЬ: 20 ЛЕТ СПУСТЯ

Тайная «война» с мирным атомом

Михаил Владимирович Гордыко в органах прокуратуры проработал свыше 30 лет, из них четверть века – в аппарате республиканской прокуратуры. Принимал участие в расследовании «громких» дел.
А в апреле 1991 года в составе следственной группы Прокуратуры Союза ССР он проводил расследование уголовного дела, возбужденного Генеральным прокурором Н.С.Трубиным по фактам злоупотребления служебным положением и ненадлежащего выполнения своих служебных обязанностей должностными лицами министерств и ведомств, ответственными за организацию работ по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской атомной станции и обеспечению радиационной безопасности населения.
В настоящее время Михаил ГОРДЫКО – начальник отдела по надзору за расследованием особо важных уголовных дел в республиканской прокуратуре.

— Михаил Владимирович, уголовное дело было возбуждено тогда, когда с момента взрыва прошло пять лет. Почему так запоздало отреагировала союзная прокуратура на это трагическое событие?

— После возбуждения уголовного дела Генеральным прокурором СССР Н.С.Трубиным была создана следственная группа Прокуратуры Союза ССР в составе следственных работников прокуратур СССР, РСФСР, УССР и БССР, принявшая настоящее уголовное дело к производству.

В июне 1991 года на четвертой сессии Верховного Совета БССР двенадцатого созыва был заслушан отчет Р.А.Вечерского – председателя временной комиссии парламента по оценке деятельности должностных и других ответственных лиц в связи с ликвидацией последствий аварии на ЧАЭС. Она установила, что их действия, а также должностных лиц бывшего СССР, кто должен был принять незамедлительные и эффективные меры по ликвидации последствий аварии, в ряде случаев являлись безответственными и преступными.

Кроме того, констатировалось, что оценка катастрофы, какая была дана экспертами в рамках Международного чернобыльского проекта, необъективная по причине того, что не учтены многие другие факторы, имевшие место в период аварии и в последующие годы.

И тогда же Верховный Совет БССР поручил прокуратуре республики дать правовую оценку деятельности должностных и иных лиц республики, ответственных за решение вопросов, обусловленных катастрофой на Чернобыльской АЭС, от которых зависела безопасность населения.

— И как вы, Михаил Владимирович, добивались правды, расследуя уголовное дело?

— К сожалению, правды не говорили ни гражданам СССР, ни иностранным жителям. Граждане страны узнали, что происходит, через три дня после взрыва. До боли в сердце режут строки официального сообщения правительственной комиссии: «... радиационная обстановка на станции и местности стабилизирована, а население эвакуировано»...

— 1 мая 1986 года «секретная» комиссия Политбюро ЦК КПСС приняла решение направить в районы, прилегающие к зоне размещения Чернобыльской АЭС, группу советских корреспондентов с целью подготовки материалов для печати и телевидения, свидетельствующих о нормальной жизнедеятельности этих районов...

— ...И в это же время в жерло пылающего реактора ссыпались с вертолетов сотни тонн песка, глины, свинца, доломита, оксида магния, чтобы ограничить дозу распространения радиоактивности. Эта «бомбежка» продолжалась до 2 мая, пока реактор не удалось «прикрыть». В этот же день в зоне бедствия появились Николай Рыжков и Егор Лигачев...

— Их сопровождал первый секретарь ЦК КП Белоруссии Николай Никитич Слюньков...

— ...И другие руководители республики. Но об этом скажу попозже.

Мы допросили десятки высокоответственных должностных лиц Союза и республики... Например, академик В.А. Легасов в своих показаниях отмечал, что у хозяев станции и руководства Минэнерго не было никакого понимания необходимой последовательности действий. 27-го и 28 апреля для сбора выброшенных обломков пытались использовать роботов, купленных в ФРГ, но в условиях больших радиоактивных полей отказывала их чувствительная радиоэлектроника...

Была дана команда засыпать реактор мешками с песком.

Дезактивирующую эмульсию покупали во Франции, защитные костюмы поступали из Англии... 4 мая началась эвакуация населения из Припяти, районов аварии. Словом, царила неразбериха...

— В первые дни значительную опасность представлял радиоактивный йод-131, который поражает жизненно важный орган – щитовидную железу. Но когда радиостанции всего мира обсуждали ошеломляющую новость о взрыве на Чернобыльской АЭС, мы не знали ничего. Беларусь не предупредили даже о самых необходимых мерах защиты от нахлынувшей беды. Радиоактивному загрязнению подвергалась почти вся территория Беларуси... И что – республика жила как ни в чем не бывало, в информационной блокаде надвигающейся национальной катастрофы?.. И никто за это не ответил?..

— На допросе бывший начальник штаба Гражданской обороны БССР генерал-лейтенант А.Л. Гришачин показал, что первичная информация об аварии на ЧАЭС поступила ему 26 апреля 1986 года в 18 часов 30 минут. Заместитель начальника штаба ГО СССР генерал А.Н. Капочкин устно сообщил об аварии на ЧАЭС. При этом о сложившейся обстановке промолчал. Начальника Гражданской обороны, Председателя Совета Министров БССР М.В. Ковалева о факте аварии проинформировали лишь 27 апреля по телефону.

Сам глава правительства на допросе признался, что «никакой информации на этот счет из Москвы и Киева не получал».

Не больше знали и те, кто находился вблизи места трагедии. Несмотря на неоднократные выезды на ЧАЭС руководителя гражданской обороны ЧАЭС и Киевской области, получить достоверную информацию жители Наровлянского, Хойникского и Брагинского районов, населенные пункты которых входили в 30-километровую санитарную зону, не смогли.

— В показаниях бывшего первого секретаря Гомельского обкома партии А.С. Камая утверждается, что для этих районов на случай аварии на ЧАЭС гражданской обороной области были разработаны планы мероприятий по защите населения... Однако она не оповестила о происшедшей аварии, прогнозе развития ее, масштабах и последствиях...

— Первичная информация о взрыве на ЧАЭС поступила в штаб гражданской обороны из штаба ГО СССР на следующий день после аварии. И тогда же были проинформированы высшие должностные лица о радиоактивной обстановке.

В связи с аварией сразу же прошло первое заседание оперативных штабов ЦК КПБ, Совета Министров и органов гражданской обороны всех областей республики.

По приказу начальника Гражданской обороны республики, бывшего Председателя Совета Министров Республики Беларусь М.В.Ковалева на четвертый день после аварии была полностью развернута сеть наблюдения и лабораторного контроля за радиационной обстановкой по всей республике.

Согласно документам, приобщенным к материалам уголовного дела и свидетельским показаниям, 30 апреля были проведены совещания в обл-, рай-, горисполкомах, где были обсуждены конкретные мероприятия по организации и проведению работ по сбору, обобщению и анализу радиационной обстановки на территории всей республики.

— А знали ли о ней наши люди?

— Полученные данные не были опубликованы в открытой печати.

К разряду государственных тайн также относилась информация о загрязнении сельхозпродуктов, о дозах внешнего и внутреннего облучения населения, об ухудшении состояния здоровья под воздействием радиации, сокращении продолжительности жизни, снижении работоспособности участвовавших в ликвидации последствий аварии и т.д.

К сожалению, правды не говорили ни гражданам СССР, ни иностранным жителям. Граждане страны узнали, что происходит, через три дня после взрыва.

Все режимные ограничения на возможность открытой публикации по радиационной обстановке были сняты только 30 мая 1989 года решением правительственной комиссии СССР.

— Документы, «проходящие» по уголовному делу, которое вы, Михаил Владимирович, показали мне, указывают на то, что руководители местных и республиканских органов власти, отвечавшие за радиационную безопасность населения, принимали все возможные меры по предупреждению заболеваемости и защите населения от радиации. Насколько они убедительны?

— Расследованием установлено, что ЦК КПБ и президиум АН БССР 29 апреля получили информацию из Института ядерных исследований о резком повышении уровня радиации, доложили в правительственную комиссию. К сожалению, из Москвы никаких мер реагирования не последовало...

В постановлении о прекращении уголовного дела констатируется, что руководители республики приняли в полном объеме возможные меры по сбору достоверной информации о радиационном загрязнении территории республики, воспользовались ею и, следовательно, сделали все для минимизации последствий радиационного поражения населения и защиты его здоровья. Тем самым они выполнили свои прямые обязанности и требования Конституции БССР, гарантирующие своим гражданам право на охрану их здоровья... Следовательно, в действиях высоких должностных лиц отсутствуют признаки уголовно наказуемого деяния...

— Как-то не совсем убедительно звучат эти выводы... Не под давлением ли сверху писали их вы, Михаил Владимирович, уводя руководителей республики от ответственности?..

— Свои выводы я основывал на достоверных доказательствах невиновности руководителей республики. Но хочу в этот вопрос внести более четкую аргументацию и ясность.

В то время не существовало научно обоснованных методик измерения и определения ущерба, поскольку такого рода катастрофа не имела аналогов в мировой истории и человеческой практике.

Как показали официальные источники, ксерокопии, представленные в уголовном деле, в то время не существовало научно обоснованных методик измерения и определения ущерба, поскольку такого рода катастрофа не имела аналогов в мировой истории и человеческой практике.

Если исходить из того, что атомная проблема была государственной политикой в СССР, а власть тогда была жестко централизована, что порождало безынициативность и безответственность на местах, никто из нижестоящих властных структур не смог взять на себя инициативу об информировании населения по этому вопросу.

Руководители же партии и государства бывшего СССР могли и обязаны были дать соответствующие указания в республики, а те в свою очередь – на места.

Следствием установлено, что атомная энергетика в бывшем СССР развивалась и действовала при отсутствии законодательства о ее пользовании. Оно должно было стать правовой основой и выработать принципы безопасности, защиты жизни, здоровья от ионизирующего облучения, регламентировать основы развития атомной энергетики в стране, определить правовой режим ее объектов, обеспечить недопустимость низкого качества объектов, систем управления и защиты.

Беседовал Славомир АНТОНОВИЧ

Фото Александра КУШНЕРА «Р»

На снимке: весенний день в сегодняшней Наровле.

Крещенные бедой

Николай Петрович ГУДЕНЬ значительную часть своей жизни отдал службе в органах госбезопасности. Работал на оперативной и партийной работе, а с 1975-го до выхода на заслуженный отдых в 1990 году возглавлял УКГБ по Гомельской области. Генерал-майор в отставке. Накануне 20-летия чернобыльской катастрофы он решил поделиться с «Р» своими воспоминаниями о событиях памятного 1986-го...

...26 апреля по каналу правительственной связи (ВЧ) мне на квартиру позвонил дежурный управления КГБ по Гомельской области. Доклад был лаконичным: в 4 часа утра поступило сообщение от начальника Киевского управления КГБ генерала Леонида Быхова о том, что на Чернобыльской атомной станции произошел взрыв. По его словам, из Киева в Припять выехала оперативная группа для установления деталей случившегося. Украинский коллега действовал в соответствии с существовавшими инструкциями – при возникновении крупного ЧП на обслуживаемой территории обязательно информировать соседей. Поскольку с Быховым у меня были не только хорошие деловые, но и дружеские личные взаимоотношения, решил тут же позвонить ему, не дожидаясь новой информации из Украины. Он подтвердил уже сказанное. И попросил пока никому о нашем разговоре не докладывать. Но чувство надвигающейся невидимой опасности во мне все же взяло верх. Я прекрасно сознавал, что атомная станция находится недалеко от территории Гомельщины. Кто знает, чем может обернуться потеря времени для мирно спавших жителей Наровли, Хойников, Гомеля, всей нашей республики при взрыве реактора?! Быстро собравшись, прибыл в управление и попытался связаться с тогдашним председателем Комитета государственной безопасности БССР генерал-лейтенантом Вениамином Балуевым. Не удалось: дежурный комитета проинформировал, что генерал до 11 часов будет вне связи. О содержании предполагаемого разговора с Балуевым, помня уговор с украинским коллегой, дежурному говорить не стал. Первого секретаря Гомельского обкома партии Камая дома тоже не оказалось. Домашние по телефону мне ответили, что он находится на даче (был выходной день). Тогда я решил сам разыскать Алексея Степановича, поручив дежурному по УКГБ найти и соединить со мной начальника управления внутренних дел генерала Сазанкова, а к моему возвращению собрать оперативную группу (в управлении они создавались на праздничные и выходные дни). Но и на даче Камая не нашел. Другие руководители обкома, которых я здесь встретил, сообщили, что он выехал в Гомель. Вскоре в дачный поселок приехал начальник УВД, и мы вместе с ним поехали в управление КГБ. Там я сообщил Сазанкову о звонке из Киева. Начали советоваться, что предпринимать дальше. В итоге решили направить к Чернобыльской станции нашу оперативную группу. Имеющуюся информацию вскоре уточнил звонок в Киев. Украинские коллеги сообщили: на четвертом энергоблоке станции произошел взрыв, бушует сильный пожар, есть пострадавшие. По их словам, из Москвы в Припять выехали специалисты-атомщики, химики, работники КГБ и МВД СССР. Чуть позже дала о себе знать и наша опергруппа. Содержание сообщения было таким: из чрева четвертого блока АЭС валит желтый дым, над ним беспрерывно кружат вертолеты, сбрасывая в образовавшуюся брешь бетонные блоки. По свидетельствам местных жителей, ночью они слышали глухой взрыв, а когда рассвело, с неба падали белые, похожие на снежинки хлопья. Люди были в растерянности, кто мог, срочно уезжал подальше от злополучного места. Обо всем этом мы с Сазанковым тут же доложили своим министрам. Несколько последующих дней официальные СМИ о катастрофе молчали, многие граждане республики узнавали о случившемся из передач западных радиостанций. Повышение уровня радиоактивности первой отметила Швеция, ветер гнал чернобыльские облака в сторону Москвы. Для многих было неожиданным, когда сильный солнцепек, который сопровождал уходящий апрель, вдруг сменился сильным вихрем, завершившимся проливным дождем. Жители Гомельщины небесной влаге были рады. Желтые разводы по краям высыхающих луж «списывали» на прибитую дождем пыльцу распускающихся деревьев. Откуда было знать, что дождевые капли принесли в Гомельскую, Могилевскую, Брянскую, Смоленскую и другие области Беларуси и России серьезную опасность.

На следующий день Алексей Степанович Камай пригласил меня поехать в те районы, где прошли дожди. В Ветке нам сообщили: дозиметры в отдельных местах буквально зашкаливают. Надо было срочно принимать меры по спасению жителей деревень, которых накрыло радиоактивное облако. Но как спасать – ни в области, ни в республике, по большому счету, не знали, хотя подразделения гражданской обороны постоянно готовились к отражению угрозы и защите населения от атомного нападения.

В Ветке нам сообщили: дозиметры в отдельных местах буквально зашкаливают. Надо было срочно принимать меры по спасению жителей деревень, которых накрыло радиоактивное облако.

В области был создан штаб по ликвидации последствий катастрофы во главе с ныне покойным бывшим председателем облисполкома Александром Граховским. Уже в первые часы после создания штаба начала работать группа оперативного руководства, в которую входил и я. Первым шагом стало отселение беременных женщин и матерей с несовершеннолетними детьми из 10-километровой зоны от атомной станции. Размещали их в санаториях и пионерских лагерях, которые были подготовлены для проживания. Затем за 10-километровую черту – к родственникам, знакомым – начали вывозить остальных жителей. Пришлось кого-то селить и в школах, где уже практически закончились занятия. Здесь разворачивали свою деятельность предприятия торговли и общепита. А на отселенных территориях уже появились любители дармового. В противодействии мародерам, охране имущества граждан и учреждений на этих территориях активно участвовали работники милиции и Комитета госбезопасности.

Многие семьи срывались с насиженных мест и выезжали за пределы области и даже республики. Начался кадровый хаос на некоторых предприятиях. Все это подогревалось муссирующимися слухами о новых радиоактивных выбросах на атомной станции и приближающемся повторном взрыве энергоблока. Чтобы как-то разрядить обстановку, решили провести торжественное празднование 1 Мая. В Хойниках по случаю праздника даже организовали футбольный матч между командами хозяев стадиона и гостей из соседнего Брагина. Во всех райцентрах области школьников от четвертого до выпускных классов вывели на демонстрацию, за что впоследствии власти подвергались жесткой критике. Особенно на волне так называемой демократизации, возникшей после катастрофы. По решению Москвы и Минска вскоре началась масштабная многотрудная работа по отселению жителей из 30-километровой зоны. Усиленно велось строительство домов для переселенцев в Витебской, Гродненской, Брестской областях. Строили поселки и на Гомельщине, в том числе и в районах, откуда впоследствии пришлось переселять людей заново. Никто не мог ясно ответить на вопрос, как поведут себя стоящие рядом с разрушенным взрывом три действующих реактора Чернобыльской АЭС, сохранялась угроза нового теплового выброса радиации на четвертом. Алексей Камай 3 мая провел заседание штаба в Хойниках и уехал с докладом в Минск. 4 мая в 6 утра, собрав нас в обкоме, он предложил рассмотреть варианты масштабного отселения, включающего жителей Гомеля, Мозыря, Жлобина и других крупных городов. Коллегиально приняли решение к худшему готовиться сейчас, но с отселением пока повременить. На станции Калинковичи было накоплено около 2 тысяч вагонов, распределили план задействования имеющегося в области автотранспорта, в него были включены и речные суда. Создали группы для возможной охраны остающихся на загрязненной территории предприятий. 30-километровую зону отселения взяла под охрану 2 мая дивизия МВД имени Дзержинского.

Наверное, нужно благодарить Всевышнего, но обстановка в Чернобыле понемногу стабилизировалась. Конек зарубежных идеологов и внутренних оппозиционеров действующей власти: почему так долго скрывалась правда о случившемся на АЭС? Да, информацию, связанную с атомной энергетикой, всячески охраняли, в том числе и контрразведчики КГБ: ведь мир стоял на пороге ядерного конфликта. К слову, Япония и сегодня держит в секрете сведения о последствиях американских бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Чего скрывать, в те первые послеаварийные годы вся информация о последствиях катастрофы очень интересовала зарубежные спецслужбы, особенно американские. Один из каналов утечки информации на территории области – иностранцы, работавшие на строительстве светлогорского «Химволокна» и жлобинского БМЗ, граждане ФРГ, Италии, Австрии. Они имели приборы контроля продуктов питания и гамма-фона, получали дополнительные сведения о катастрофе от наших граждан. В связи с этим властям было строго предписано свести к минимуму внешнее распространение информации о катастрофе. На этой «теме» в регионе работали оперативники из КГБ СССР и Беларуси. В одно время даже ввели условное кодирование писем и деловых бумаг, которые содержали сведения об аварии, переселении и т.д. Вскоре немцы из Светлогорска уехали. И вдруг спохватились – обнаружили недостаток плат, которыми комплектовался подвижной транспорт на строительстве. С помощью наших оперативников нагнали немецких рабочих в Бресте и изъяли похищенное. «Химволокно» иностранцы достраивали уже позже, правда, наше вмешательство опять помогло заставить строителей устранить имеющиеся недоделки.

Работники службы госбезопасности, выполняя свои обязанности, постоянно оказывали помощь населению и хозяйственным органам, ученым в минимизации постчернобыльских последствий. Чего греха таить: были допущены и серьезные ошибки. Так, отдельные «ученые» от сельскохозяйственной науки даже выдвинули теорию, что если к «чистому» по показателю загрязнения радионуклидами мясу добавить 10 процентов с превышением допустимых норм, получится нормальная колбаса. Такой бездумный подход иногда приводил к тому, что вагоны-холодильники с тушами брагинских, хойникских и наровлянских буренок со временем возвращались к нам из Казахстана и утилизировались. Все это было, и от правды никуда не деться. Но, видимо, для того и преподносит нам жизнь уроки, пусть даже такие жестокие, как чернобыльская катастрофа, чтобы не повторять ошибок и делать из этих уроков поучительные выводы. Во имя будущего.

Записал Николай ЖДАНОВИЧ, «Р»